

R. M. Rilke

**DIE SONETTE
AN ORPHEUS**

Райнер М. Рильке

СОНЕТЫ К ОРФЕЮ

*Перевод с немецкого
З. Миркиной*

ЛЕТНИЙ САД

МОСКВА · САНКТ-ПЕТЕРБУРГ · 2002

ББК 84(4Гем)-5
Р50

Рильке Р. М.

Р50 Сонеты к Орфею / Пер. с нем., вступ. ст.
З. А. Миркиной. — М.; СПб.: Летний сад,
2002. — 61 с.

ISBN 5-94381-031-5

В книгу вошли новые переводы «Сонетов к Орфею» Р. М. Рильке (1875—1926) и другие стихотворения. Текст дан параллельно на немецком и русском языках.

ББК 84(4Гем)-5

ISBN 5-94381-031-5

© З. А. Миркина, 2002

© ИТД «Летний сад», 2002

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Мои любимые работы в области перевода — это Р. Тагор, арабские суфии — Ибн аль Араби и Ибн аль Фарид, и — Рильке.

Тагора я переводила очень немного, давно. Работа была у меня отнята из-за нелепого вмешательства КГБ. Переводы суфиев (в томе арабской поэзии Средних веков БВЛ) нашли своих читателей. Но главная переводческая работа всей моей жизни — это Рильке.

Все эти поэты очень далеки друг от друга в пространстве и во времени. Страны, эпохи, языки — все разное. И однако есть нечто, что единит их. Они из одной духовной родины, из одного глубинного пласта бытия, очень не густо заселенного.

Все они мистики.

Слово «мистика» понимают очень по-разному. Чаще всего оно связывается с вторжением потустороннего, оглушающим и возбуждающим своей непонятностью, своей несовместимостью с нашей жизнью. Для меня это слово имеет почти противоположный смысл. Мистик — человек, доходящий до такой глубины бытия, на которой исчезает деление на поту- и посюстороннее. До глубины, где все объединяется в одно неразделимое Целое. Мне

близки слова одного из христианских мистиков, Симеона Нового Богослова: «Тот, кто не увидел Бога в этой жизни, не увидит Его и в жизни будущей». Призвание человека — именно здесь, в этой земной жизни, дойти до полноты, в которой нет ни прошлого, ни будущего — одно «вечное Теперь».

Мистик — человек, ощущающий Вечность. И это главное в Рильке. Я уверена, что по-настоящему о Вечном можно говорить только метафорой. И все величайшие откровения, все священные писания разных религий метафоричны. И воскресение Христа — метафора. Говорю так не потому, что не верю в возможность воскресения, а, может быть, именно потому, что слишком чувствую его глубинную реальность, которая не сводится к реальности физического мира.

Увидеть воскресшего телесными глазами — значит увидеть еще одно физическое явление. Важно не увидеть воскресшего как некое зрелище, а пережить воскресенье. При жизни можно пройти через смерть своего малого «я», своего эго, и воскреснуть в своем великом «я», в той самой Безграничной Действительности (*grenlose Wirklichkeit*), которая была истинным Домом Рильке, — той землей обетованной, куда он жаждал привести своих читателей. Привести бесконечно трудным путем — через смерть.

Безграничная Действительность ничего не исключает из себя, не отбрасывает. Объединяя все

сущее, она дает отдельным кускам, фактам, бессмысленным в своей разорванности, место и смысл в Целом. Только отказавшись от всякой защиты — сломавший стены своего «я» — знает, что такое Безграничная Действительность.

Поэзию Рильке часто считают темной. Ее трудно понять и очень часто так и передают в переводах темноты темнотами, ничего не говорящими не только уму, но и сердцу. Однако на языке подлинника темноты Рильке, которые не может воспринять ум, очень много говорят сердцу. Бог Рильке — не ясное дневное божество, а таинственная тьма, подобная рождающему лону земли. Лирический герой «Часослова», православный монах, прямо говорит об этом:

*Есть братья у меня, одетые в сутаны,
Там, далеко, где южный лавр высок —
В монастырях, в залитых солнцем странах.
И грежу я о юных Тицианах,
К которым в пламени приходит Бог.
Но есть во мне — мой Бог, и Он как мгла,
Как молча пьющие в потемках корни...
Я только знаю глубину всей,
Что возникаю из Его тепла.
Я весь — в Его немерянности черной,
Донесшей вверх лишь тихий плеск ветвей.*

Итак, Бог Рильке не представим. Он не находится где-то перед нами, а включает нас в Себя, в свое

таинственное Целое, которому причащается наше сердце.

Есть у Р. Тагора в сборнике «Залетные птицы» такие строки:

Вода в стакане прозрачна.

Вода в море темна.

У маленьких истин есть ясные слова.

*У великой истины — великое безмолвье.**

Чтобы переводить Рильке, надо войти в это Великое Безмолвье, которое топит в себе все слова о детальном, частном. Это Безмолвие говорит сразу со всей душой, как море и небо. Вся высота неба — всей глубине души. Из этого Безмолвья, как ростки из земли, рождаются бесчисленные слова, которые вовсе не разрушают Безмолвия, а как бы продолжают Его, вводят в Его Неисчерпаемую Глубину.

Всякий настоящий поэт всегда говорит не от себя, а как бы переводит с божеского языка на человеческий, с несказуемого на словесный. Он знает, что молчание неба и моря не пусто, что это Слово Бытия, Слово-бытие. И он пытается перевести его на человеческие слова, пытается выразить словами смысл, суть нашей жизни, всегда превосходящую слова. И чтобы переводить Рильке, надо сквозь слова немецкого языка выйти в дословесное и засловесное молчанье. А потом из этого молчанья

* Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

выйти на свой язык, — так, как Рильке выходил на немецкий.

Я поняла когда-то, что не могу не переводить Рильке именно потому, что он ввел меня в то великое Безмолвие, где расправляется вся душа, — в Безмолвие источника жизни.

«Вода в море темна». Но, Боже мой, насколько больше говорит эта темнота сердцу, чем прозрачность воды в стакане!

И все же, переводя эту говорящую тьму на русский язык, я старалась изо всех сил, чтобы слова мои были как можно прозрачнее и не заслоняли той великой жизнетворной Тайны, которая всегда больше нашего понимания и потому всегда темна. В темноте находятся корни света. Они священны. Но нельзя корни отделять от ветвей, так же как ветки от корня. Есть цельное Дерево Жизни. И голос Орфея подобен росту этого Дерева, медленному росту из глубины земли до звезд. Слышать этот голос — значит как бы видеть внутреннее, скрытое от глаз движение жизни, равно в Дереве и в человеческой душе, и причащаться целостной жизни.

Она включает в себя и смерть. Смерть не пугает Рильке, ибо он умеет входить во тьму и выходить из нее. Более того — он знает, что смерть необходима для вечной жизни. Парадокс, но он вправду знает, что надо уметь принять смерть, погрузиться в нее, чтобы узнать действительную глубину и полноту своей души — ее бессмертие.

Бессмертие — не отрицание смерти, а перерастание ее. Безостановочный, не видимый глазам рост жизни проходит через смерть, как древесный ствол через пространство. И потому, когда я переводила пятый сонет первой части, центральными словами были для меня: *o wie er schwinden muss*, «muss» подчеркнуто Рильке. Я тоже его подчеркиваю: *Он должен умирать*.

Должен, ибо истинное бессмертие — не количественное накопление времени, не продолжение в бесконечность нашего сегодняшнего «я», а преобразование, жертвенное исчезновение (*schwinden*), умирание этого «я» во имя неустанного движения нашего вечного «я».

Движение Духа, созидającego жизнь, безостановочно. Причастие этому движению и есть бессмертие.

Как отдельные звуки должны появляться и исчезать, чтобы была музыка, как руки музыканта должны касаться струн и снова отходить от них, так каждая душа должна не останавливаться, а двигаться вместе с единым творящим потоком — входить в этот поток, исчезать в нем и возрождаться в других обликах, не путая вечно меняющиеся формы с неизменной сутью. Сбрасывать облики, терять все внешнее, узнавать Вечное в новых обликах и ликовать — вот путь Души.

*Не ставьте памятника. Пусть лишь роза
Ему подарит новый свой бутон.*

Орфей — живой. Его метаморфоза
Везде, во всем. Во всех названиях — Он.
Где песня, там — Орфей. Меж нами, с нами
Вошел, прошел... звук лиры, всплеск огня...
Но разве мало — видеть это пламя
Раскрытых роз — пусть два коротких дня?
Он должен умирать, чтоб мы узнать могли
Его во всем. Пусть страшно при разлуке.
Но в час, когда напев дошел, певец — вдали.
Мы музыкой полны, но рядом нет Орфея.
Коснувшись струн, от струн отходят руки.
Он верен лире, расставаясь с нею.

Мы должны не задерживаться на поверхности, идти в глубину, но для этого надо вглядываться в каждую форму, не мчаться от одного мелькающего явления к другому, проскакивая мимо сути. Движение нашей мысли, внимание, продолжительность нашего взгляда должны соответствовать внутреннему медленному ритму творящих сил. Современные скорости ужасают Рильке, они уводят нас в сторону от самих себя, от нашей вечности. Поэтому в двадцать четвертом сонете первой части центральными для меня были слова: *...und ihre uns lang schon zu langsamen Boten / überholen wir immer.* В моем переводе это звучит так:

*Мы так давно обогнали
Медлящих проводников в Вечность...*

Если бы мне пришлось выделять ключевые для Рильке слова, я прежде всего назвала бы — вгляды-

вание, медленность, целое, сущность. В четвертой Дуинской элегии лирический герой сидит перед закрытым занавесом своего сердца и ждет, когда он поднимется.

*Wer sab nicht bang vor seines Herzens Vorhang?
Der schlug sich auf. Die Szenerie war Abschied...*

Ждет, когда исчезнет все кажущееся, поверхностное и обнажится, наконец, невидимая суть. Это упорное вглядывание внутрь есть непрерывная духовная работа Рильке.

*И даже если погаснут лампы
И скажут мне, что кончился спектакль,
Дохнет со сцены серой пустотой
И мертвым сквозняком в лицо повеет.*

.

...Я останусь.

*Все равно останусь. Мне есть на что смотреть.
Мой долг — взглядеться.*

.

*Неужели одних марионеток я увижу?
Нет! Тот, кто смотрит так неотрывно,
Тот досмотрит до конца — до сущности самой.*

Так Рильке досматривал явление до его сущности, зримый мир до незримого Бога, смерть — до бессмертия и всю великую скорбь жизни — до ликования.

*Только пройдя через мглу,
Выплыв из Леты,
Складывать смеешь хвалу
Жизни и свету.*

Это начало девятого сонета первой части, к работе над которым я возвращалась в течение двадцати лет. И даже после выхода в свет моей книги «Невидимый собор», где опубликованы все переводы сонетов, этот сонет я переделала снова. Мне все время хотелось уточнить четвертую строфу и никак не удовлетворял меня перевод слова *Doppelbereich*, что буквально означает «двойная действительность», «вторая действительность», то есть другой мир. «Только в пространстве ином» (или «в пространстве втором») — так я переводила. Но этот другой мир был все-таки слишком ощутимо «другим», как бы разделенным с этим «первым». Характернейшие для Рильке слова — в одном из сонетов, примыкающих к циклу «Сонеты к Орфею»:

*«Здесь» и «там» едино. Мы в объятье
двух миров. Так просто — белизна
нераздельна с белой тканью платья.*

«Здесь» — это слишком здесь. «Там» — это слишком там — скажет внимательнейшая читательница Рильке М. Цветаева.

И вот вдруг нашлись такие слова:

*Пусть задрожал от волны
Лик отраженный —
Образ лови!
Лишь меж мирами слышны
Тихие звоны
Вечной любви.*

AUS DEM »STUNDEN-BUCH«

ИЗ «ЧАСОСЛОВА»

AUS DEM »STUNDEN-BUCH«

Ich habe viele Brüder in Sutanen
im Süden, wo in Klöstern Lorbeer steht.
Ich weiß, wie menschlich sie Madonnen planen,
und träume oft von jungen Tizianen,
durch die der Gott in Gluten geht.

Doch wie ich mich auch in mich selber neige:
Mein Gott ist dunkel und wie ein Gewebe
von hundert Wurzeln, welche schweigsam trinken.
Nur, daß ich mich aus *seiner* Wärme hebe,
mehr weiß ich nicht, weil alle meine Zweige
tief unten ruhn und nur im Winde winken.

ИЗ «ЧАСОСЛОВА»

Есть братья у меня, одетые в сутаны,
Там, далеко, где южный лавр высок —
В монастырях, в залитых солнцем странах.
И грежу я о юных Тицианах,
К которым в пламени приходит Бог.

Но есть во мне — мой Бог, и Он как мгла,
Как молча пьющие в потемках корни...
Я только знаю глубиною всей,
Что возникаю из Его тепла.
Я весь — в Его немерянности черной,
Донесшей вверх лишь тихий плеск ветвей.

DIE SONETTE AN ORPHEUS

СОНЕТЫ К ОРФЕЮ

DIE SONETTE AN ORPHEUS

ERSTER TEIL

I

Da stieg ein Baum. O reine Übersteigung!
O Orpheus singt! O hoher Baum im Ohr!
Und alles schwieg. Doch selbst in der Verschweigung
ging neuer Anfang, Wink und Wandlung vor.

Tiere aus Stille drangen aus dem klaren
gelösten Wald von Lager und Genist;
und da ergab sich, daß sie nicht aus List
und nicht aus Angst in sich so leise waren,

sondern aus Hören. Brüllen, Schrei, Geröhr
schien klein in ihren Herzen. Und wo eben
kaum eine Hütte war, dies zu empfangen,

ein Unterschlupf aus dunkelstem Verlangen
mit einem Zugang, dessen Pfosten beben, —
da schufst du ihnen Tempel im Gehör.

II

Und fast ein Mädchen wars und ging hervor
aus diesem einigen Glück von Sang und Leier

СОНЕТЫ К ОРФЕЮ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Рост дерева. Рост голоса в гортани.
Орфей поет. Звук тянется до звезд.
И смолкло все. Но и внутри молчанья —
преображенье. Становленье. Рост.

Выходят звери из глухой чащобы.
Бредут, оставив логова в лесах.
Не хитрость гонит с места их, не страх:
они стихают и немеют, чтобы

расслышать. И смуглившимся сердцам
так не нужны теперь и вой и рыки.
Зов входит в слух. И вот шалаш, берлога —

укрытье темное желаний диких
с кривой стеною, крышею убогой —
преобразилось, превратилось в храм.

II

Почти что девочка... Нежнейший звон,
слиянье песни медленной и лиры.

und glänzte klar durch ihre Frühlingschleier
und machte sich ein Bett in meinem Ohr.

Und schlief in mir. Und alles war ihr Schlaf.
Die Bäume, die ich je bewundert, diese
fühlbare Ferne, die gefühlte Wiese
und jedes Staunen, das mich selbst betraf.

Sie schlief die Welt. Singender Gott, wie hast
du sie vollendet, daß sie nicht begehrte,
erst wach zu sein? Sieh, sie erstand und schlief.

Wo ist ihr Tod? O, wirst du dies Motiv
erfinden noch, eh sich dein Lied verzehrte? —
Wo sinkt sie hin aus mir?.. Ein Mädchen fast...

III

Ein Gott vermags. Wie aber, sag mir, soll
ein Mann ihm folgen durch die schmale Leier?
Sein Sinn ist Zwiespalt. An der Kreuzung zweier
Herzwege steht kein Tempel für Apoll.

Gesang, wie du ihn lehrst, ist nicht Begehren,
nicht Werbung um ein endlich noch Erreichtes;
Gesang ist Dasein. Für den Gott ein Leichtes.
Wann aber *sind* wir? Und wann wendet *er*

Весенний зов и все блистанье мира
вошли в меня, в мой слух и полусон.

Я ложем стал. А это все во мне
покоилось: все дали, ароматы —
все, что настигло, вторглось внутрь когда-то
и ожило в дремотной глубине.

Спал лес. Спал мир. О, как сумел найти
ты, бог поющий, завершенность эту?
Желаний нет... Встает и спит она...

Смерть, погоди! О, будет ли слышна
мелодия опять?.. Куда ты? Где ты?..
Почти из плоти... девочка почти...

III

Бог может. Но ответь мне, как же нам
идти за ним? Неполнозвучна лира.
В разброде чувств, в раздробленности мира
не служат Фебу и не строят храм.

Напев твой — не призыв к чему-нибудь
конечному. Он есть сама дорога.
Он — бытие. Легчайшее для Бога.
Но мы?.. Когда и где мы суть

an unser Sein die Erde und die Sterne?
Dies *ists* nicht, Jüngling, Daß du liebst, wenn auch
die Stimme dann den Mund dir aufstößt, – lerne

vergessen, daß du aufsangst. Das verrinnt.
In Wahrheit singen, ist ein anderer Hauch.
Ein Hauch um nichts. Ein Wehn im Gott. Ein Wind.

IV

O ihr Zärtlichen, tretet zuweilen
in den Atem, der euch nicht meint,
laßt ihn an eueren Wangen sich teilen,
hinter euch zittert er, wieder vereint.

O ihr Seligen, o ihr Heilen,
die ihr der Anfang der Herzen scheint.
Bogen der Pfeile und Ziele von Pfeilen,
ewiger glänzt euer Lächeln verweint.

Fürchtet euch nicht zu leiden, die Schwere,
gebt sie zurück an der Erde Gewicht;
schwer sind die Berge, schwer sind die Meere.

Selbst die als Kinder ihr pflanztet, die Bäume,
wurden zu schwer längst; ihr trüget sie nicht.
Aber die Lüfte... aber die Räume...

центр притяжения, источник света?
В любви? О, нет! Пусть боль, тоска, желанье
теснят тебя, пускай они воспеты

в бесчисленных песнях — позабуди о них.
Песнь истинная — новое дыханье.
Полет в ничто. Круженье в Боге. Вихрь.

IV

О вы, блаженные, влейтесь в потоки
воздуха, в струи, текущие ввысь!
Дайте им тронуть, обтечь ваши щеки,
с дрожью раздаться и снова сойтись.

О вы, целители мира! Все стрелы
гнева и ярости посланы в вас.
В тихой улыбке слеза заблестела.
Светится боль в глубине ваших глаз.

— Боли не бойтесь!.. Вся тяжесть, все горе
это земное, оно для земли. —
Тяжкие горы, тяжелое море...

Те деревца, что вы сами сажали,
выросли, вы б их поднять не смогли.
Но эти веянья... но эти дали...

V

Errichtet keinen Denkstein. Laßt die Rose
nur jedes Jahr zu seinen Gunsten blühen.
Denn Orpheus ist. Seine Metamorphose
in dem und dem. Wir sollen uns nicht mühen

um andre Namen. Ein für alle Male
ist Orpheus, wenn es singt. Er kommt und geht.
Ist nicht schon viel, wenn er die Rosenschale
um ein paar Tage manchmal übersteht?

O wie er schwinden muß, daß ihrs begriff!
Und wenn ihm selbst auch bangte, daß er schwände.
Indem sein Wort das Hiersein übertrifft,

ist er schon dort, wohin ihrs nicht begleitet.
Der Leier Gitter zwingt ihm nicht die Hände.
Und er gehorcht, indem er überschreitet.

VIII

Nur im Raum der Rühmung darf die Klage
gehn, die Nymphe des geweinten Quells,
wachend über unserm Niederschlage,
daß er klar sei an demselben Fels,

der die Tore trägt und die Altäre. —
Sieh, um ihre stillen Schultern früh

V

Не ставьте памятника. Пусть лишь роза
ему подарит новый свой бутон.

Орфей — живой. Его метаморфозы
везде, во всем, во всех названьях — он.

Где песня, там — Орфей. Меж нами, с нами
вошел, прошел... звук лиры, всплеск огня...

Но разве мало видеть это пламя
раскрытых роз — пусть два коротких дня?

Он *должен* умирать, чтоб мы узнать могли
его во всем. Пусть страшно при разлуке.
Но в час, когда напев дошел, певец — вдали.

Мы музыкой полны, но рядом нет Орфея.
Коснувшись струн, от струн отходят руки.
Он верен лире, расставаясь с нею.

VIII

Только среди славящего хора
жалоба являться смеет к нам —
нимфа слезных струй, омывших гору,
на которой утвердился храм.

Охраняя дух от замутнения,
нежно веет с раннего утра,

das Gefühl, daß sie die jüngste wäre
unter den Geschwistern im Gemüt.

Jubel *weiß*, und Sehnsucht ist geständig, –
nur die Klage lernt noch; mädchenhändig
zählt sie nächtelang das alte Schlimme.

Aber plötzlich, schräg und ungeübt,
hält sie doch ein Sternbild unsrer Stimme
in den Himmel, den ihr Hauch nicht trübt.

IX

Nur wer die Leier schon hob
auch unter Schatten,
darf das unendliche Lob
ahnend erstatten.

Nur wer mit Toten vom Mohn
aß, von dem ihren,
wird nicht den leisesten Ton
wieder verlieren.

Mag auch die Spiegung im Teich
oft uns verschwimmen:
Wisse das Bild.

Erst in dem Doppelbereich
werden die Stimmen
ewig und mild.

среди чувств — юнейшая сестра,
тоненькая, с робостью в движениях.

Все познав, тоска и ликование
излились. А тихие касанья
жалобы, как руки ученицы,

пробуют... и вдруг — неловкий взлет, —
и наш голос, как звезда, лучится
из таких прозрачнейших высот!..

IX

Только пройдя через мглу,
Выплыв из Леты,
Складывать смеешь хвалу
Жизни и свету.

Только лишь мак пригубив
С мертвыми вместе,
Вспомнишь тишайший мотив
Истинной песни.

Пусть задрожал от волны
Лик отраженный, —
Образ лови!

Лишь меж мирами слышны
Тихие звоны
Вечной любви.

XI

Steh den Himmel. Heißt kein Sternbild »Reiter«?
Denn dies ist uns seltsam eingeprägt:
dieser Stolz aus Erde. Und ein Zweiter,
der ihn treibt und hält und den er tragt.

Ist nicht so, gejagt und dann gebändigt,
diese sehnige Natur des Seins?
Weg und Wendung. Doch ein Druck verständigt.
Neue Weite. Und die zwei sind eins.

Aber *sind* sie's? Oder meinen beide
nicht den Weg, den sie zusammen tun?
Namenlos schon trennt sie Tisch und Weide.

Auch die sternische Verbindung trägt.
Doch uns freue eine Weile nun
der Figur zu glauben. Das genügt.

XII

Heil dem Geist, der uns verbinden mag;
denn wir leben wahrhaft in Figuren.
Und mit kleinen Schritten gehn die Uhren
neben unserm eigentlichen Tag.

Ohne unsern wahren Platz zu kennen,
handeln wir aus wirklichem Bezug.

XI

Видишь звезды? Небосвод открытый.
Разве там не всадник в вышине?
Гордый конь и с ним в созвездье слитый
тот, второй, сидящий на коне?

Двуединство. В этом суть природы.
Жесткой. Сжатой. Все сопряжено.
Гнет и воля. Шпоры и свобода.
Снова дали. Двое суть одно.

Суть одно? А может, всадник звездный
с лошастью простится? Мир велик...
Луг и стол накрытый ждут их розно.

Значит, даже в небе скрыт обман?
Но... мы видим Цельность. Пусть на миг.
Этого довольно. Образ дан.

XII

Славен Дух, соединивший нас
в целое! Сквозь всех и надо всеми
шестьует неслышимое Время,
дробным стуком отмеряя час.

Даль закрыта. Цели сокровенны.
Но мы действуем. Мы — в них, мы есть.

Die Antennen fühlen die Antennen,
und die leere Ferne trug...

Reine Spannung. O Musik der Kräfte!
Ist nicht durch die läßlichen Geschäfte
jede Störung von dir abgelenkt?

Selbst wenn sich der Bauer sorgt und handelt,
wo die Saat in Sommer sich verwandelt,
reicht er niemals hin. Die Erde *schenkt*.

XIII

Voller Apfel, Birne und Banane,
Stachelbeere... Alles dieses spricht
Tod und Leben in den Mund... Ich ahne...
Lest es einem Kind vom Angesicht,

wenn es sie erschmeckt. Dies kommt von weit.
Wird euch langsam namenlos im Munde?
Wo sonst Worte waren, fließen Funde,
aus dem Fruchtfleisch überrascht befreit.

Wagt zu sagen, was ihr Apfel nennt.
Diese Süße, die sich erst verdichtet,
um, im Schmecken leise aufgerichtet,

klar zu werden, wach und transparent,
doppeldeutig, sonnig, erdig, hiesig —:
O Erfahrung, Fühlung, Freude —, riesig!

И антенны чувствуют антенны,
и в пустотах веет весть.

Пенье сил. О, волны напряженья!
Разве рук умелые движенья
не готовят для семян поля?

Но и пахарь — труженик всегдашний —
в то, как семя прорастет из пашни,
не вмешается — дарит Земля.

ХІІІ

Вишня, груша, слива налитая —
жизнь и смерть, входящие в мой рот!
Предвкушаю... Чувствую... Глотаю...
Как ребенок яблоко берет,

вы видали? Это издалёка
входит, различимое едва. —
Там, во рту, где жили лишь слова,
вдруг — поток открытый, свежесть сока!

Так попробуйте сказать сейчас,
что зовется яблоком? Вот эта
сладость, сгусток солнечного света,

что собой напитывая нас,
брызнул! Льется! — Полнота мгновенья!
О, познание, опыт, единенье!

XV

Wartet..., das schmeckt... Schon ists auf der Flucht
...Wenig Musik nur, ein Stampfen, ein Summen –:
Mädchen, ihr warmen, Mädchen, ihr stummen,
tanzt den Geschmack der erfahrenen Frucht!

Tanzt die Orange. Wer kann sie vergessen,
wie sie, ertrinkend in sich, sich wehrt
wider ihr Süßsein. Ihr habt sie besessen.
Sie hat sich köstlich zu euch bekehrt.

Tanzt die Orange. Die wärmere Landschaft,
werft sie aus euch, daß die reife erstrahle
in Lüften der Heimat! Erglühte, enthüllt

Düfte um Düfte. Schafft die Verwandtschaft
mit der reinen, sich weigernden Schale,
mit dem Saft, der die Glückliche füllt!

XVI

Du, mein Freund, bist einsam, weil...
Wir machen mit Worten und Fingerzeigen
uns allmählich die Welt zu eigen,
vielleicht ihren schwächsten, gefährlichsten Teil.

Wer zeigt mit Fingern auf einen Geruch? –
Doch von den Kräften, die uns bedrohten,

XV

Ждите... Повеяло... Это вот-вот
будет... Звук первый у слуха на грани...
Девушки, полные снов и молчанья,
встаньте, станцуйте налившийся плод!

Вот апельсин затаился. Он прячет
сладость... И вдруг — кожа пополам!
Самораскрытие, радость отдачи,
мир, всем лицом повернувшийся к нам!

Огненный танец! Дыхание зноя,
всплеск аромата, расплавленность юга,
лето станцуйте! О, тайный союз —

это незримое сходство двойное:
и целомудренность корки упругой,
и сердцевины ликующей вкус!

XVI (Собаке)

Ты, мой друг, одинок, ибо власть
мы присвоили в мире. Мы правим. И все же
овладели не всем. — Нам послушно, быть может,
только явное, — только ничтожная часть.

Кто учует неслышимый запах? Чей глаз
зрит незримое? Ты же в извечной тревоге

fühlst du viele... Du kennst die Toten,
und du erschrickst vor dem Zauberspruch.

Sieh, nun heißt es zusammen ertragen
Stückwerk und Teile, als sei es das Ganze.
Dir helfen, wird schwer sein. Vor allem: pflanze

mich nicht in dein Herz. Ich wüchse zu schnell.
Doch *meines* Herrn Hand will ich führen und sagen:
Hier. Das ist Esau in seinem Fell.

XXIV

Sollen wir unsere uralte Freundschaft, die großen
niemals werbenden Götter, weil sie der harte
Stahl, den wir streng erzogen, nicht kennt, verstoßen
oder sie plötzlich suchen auf einer Karte?

Diese gewaltigen Freunde, die uns die Toten
nehmen, rühren nirgends an unsere Räder.
Unsere Gastmähler haben wir weit —, unsere Bäder,
fortgerückt, und ihre uns lang schon zu langsamen
Boten

überholen wir immer. Einsamer nun auf einander
ganz angewiesen, ohne einander zu kennen,
führen wir nicht mehr die Pfade als schöne
Mäander,

слышишь мертвых и след на безвестной дороге
и боишься заклятий, невнятных для нас.

Посмотри: я и ты... Мы составить должны
нечто цельное. Пусть я — твое божество, —
у меня есть свой Бог. Я дойду до Него.

И к тебе подведу, тихо за руку взяв.
Я скажу Ему: Отче, мы оба — сыны.
Это брат мой. Вот здесь, в этой шкуре — Исав.

XXIV

Древнюю дружбу богов — этих великих, незримо
и ненавязчиво сущих (мы их не слышим в азарте
гонки, в гуденье машин)... Что ж, их отринуть
должны мы
или начать вдруг искать их поселения на карте?

Властные эти друзья, те, что в безмолвные дали
мертвых берут, никогда не обнажат свои лики.
Наши купальни, кафе, игрища наши и крики
их оглушили. Мы так давно обогнали

медлящих проводников в вечность, и так одиноки
рядом друг с другом, друг друга не зная.
Путь наш не вьется, как тропки лесов
и потоки, —

sondern als Grade. Nur noch in Dampfkesseln brennen
die einstigen Feuer und heben die Hämmer, die immer
größern. Wir aber nehmen an Kraft ab,
wie Schwimmer.

ZWEITER TEIL

IX

Rühmt euch, ihr Richtenden, nicht der
entbehrlichen Folter
und daß das Eisen nicht länger an Hälsen sperrt.
Keins ist gesteigert, kein Herz —, weil ein gewollter
Krampf der Milde euch zarter verzerrt.

Was es durch Zeiten bekam, das schenkt das Schafott
wieder zurück, wie Kinder ihr Spielzeug vom vorig
alten Geburtstag. Ins reine, ins hohe, ins thorig
offene Herz träte er anders, der Gott

wirklicher Milde. Er käme gewaltig und griffe
strahlender um sich, wie Göttliche sind.
Mehr als ein Wind für die großen gesicherten Schiffe.

Weniger nicht, als die heimliche leise Gewahrung,
die uns im Innern schweigend gewinnt
wie ein still spielendes Kind aus unendlicher Paarung.

дивным меандром. Он — краткость. Прямая.
Так лишь машина вершит взлет свой
искусственнокрылый.
Мы ж, как пловцы среди волн, тратим последние силы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

IX

О, не кичитесь, суды, тем, что каленым металлом
больше людей не клеймят, терны не ранят чела.
Но не возвысился мир, — тот же в великом
и в малом,
кротость ему на лицо лживой гримасой легла.

То, что нам время несет, время уносит в свой срок,
точно игрушек набор. — Будут опять именины,
новые куклы придут. В вечно простые глубины,
в ясность молящих сердец истинной кротости бог

входит иначе: — Дыхание мощи,
миг озаренья, лучей всеохват!
Больше, чем ветер для крепкого паруса, проще

тихого слова. Так тайно и свято
сердце берет он, как вспыхнувший взгляд
детский, в бездонности мира зачатый.

**ACHT SONETTE AUS DEM UMKREIS
DER »SONETTE AN ORPHEUS«**

**СОНЕТЫ К ОРФЕЮ
(ИЗ ПРИМЫКАЮЩИХ)**

ACHT SONETTE AUS DEM UMKREIS
DER »SONETTE AN ORPHEUS«

III

Mehr nicht sollst du wissen als die Stele
und im reinen Stein das milde Bild:
beinah heiter, nur so leicht als fehle
ihr die Mühe, die auf Erden gilt.

Mehr nicht sollst du fühlen als die reine
Richtung im unendlichen Entzug –
ach, vielleicht das Kaltsein jener Steine,
die sie manchmal abends trug.

Aber sonst sei dir die Tröstung teuer,
die du im Gewohntesten erkennst.
Wind ist Trost, und Tröstung ist das Feuer.

Hier- und Dortsein, dich ergreife beides
seltsam ohne Unterschied. Du trennst
sonst das Weißsein von dem Weiß des Kleides.

VI

Welche Stille um einen Gott! Wie hörst du in ihr
jeden Wechsel im Auffall des Brunnenstrahls

СОНЕТЫ К ОРФЕЮ
(ИЗ ПРИМЫКАЮЩИХ)

III

Ничего не нужно, кроме стелы —
лика с вечно кроткой белизной.
Близкое, почти земное тело,
но без лишней тяжести земной.

Ничего не нужно, кроме точной
линии, ведущей внутрь пустот.
Холод бездны... Может, в час полночный
это он неслышно к нам плывет?

Но и все, что здесь, перед глазами,
так бездонно! Синева ясна...
Ветер лечит... утешает пламя...

«Здесь» и «там» едино. Ты в объятье
двух миров. Так просто! Белизна
нераздельна с белой тканью платья.

VI

Какая тишина здесь, возле Бога... Слышишь?
Журчит струя. Взметнулся и упал

am weilenden Wasser des Marmorovals.
Und am Lorbeer vorüber ein Fühlen: drei oder vier

Blätter, die ein Falter gestreift hat. An dir
taumelt er hin, im tragenden Atem des Tals.
Und du gedenkst eines anderen Mals,
da sie dir schon so vollkommen schien, hier,

diese Stille um einen Gott. Ward sie nicht *mehr*?
Nimmt sie nicht zu? Nimmt sie nicht überhand?
Drängt sie nicht fast wie ein Widerstand

an dein tönendes Herz? Irgendwo bricht sich
an einer lautlosen Pause im Tag... sein Schlag
Dort ist Er.

VII

Wir hören seit lange dir Brunnen mit.
Sie klingen uns beinah wie Zeit.
Aber sie halten viel eher Schritt
mit der wandelnden Ewigkeit.

Das Wasser ist fremd und das Wasser isn dein,
von hier und *doch* nicht von hier.
Eine Weile bist du der Brunnenstein,
und es spiegelt die Dinge in dir.

фонтан, стекая в мраморный овал.
А там, на лавре, где-то в небе, выше

всего, — листок чуть вздрогнул, шелохнулся. Дышит
долина. Тишина, как вал,
к нам приближается. И вот внезапно прозвучал
забытый миг, когда казалось, тише

уже не будет. — Здесь черта. Порог.
Но разве он не перейден? И разве не втекает в грудь
еще волна? Взбуханье сердца... Чуть —

чуть еще — и сердце остановится, упав
в беззвучность дня и бестревожность трав.
Там — Бог.

VII

Мы слушаем долго. Фонтана звон.
Звук времени, — капель шаг.
А может быть раньше, до всех времен
предвечность звучала так?

Вода — нигде, и вода — везде,
Ушла и пришла назад.
Минута, и — камнем лежишь в воде,
все вещи в тебя глядят.

Wie ist das alles entfernt und verwandt
und lange enträtselt und unerkant,
sinnlos und wieder voll Sinn.

Dein ist, zu lieben, was du nicht wießt.
Es nimmt dein geschenktes Gefühl und reißt
es mit sich hinüber. Wohin?

Далекое — рядом с тобой, давно
разгаданное — опять темно;
нет смысла, — он есть всегда.

Не знать, а любить это все... И вот,
не мы, а оно нас в себя берет,
уносит с собой. Куда?

DIE VIERTE ELEGIE

O Bäume Lebens, o wann winterlich?
Wir sind nicht einig. Sind nicht wie die Zug-
vögel verständigt. Überholt und spät,
so drängen wir uns plötzlich Winden auf
und fallen ein auf teilnahmslosen Teich.
Blühn und verdorn ist uns zugleich

bewußt.

Und irgendwo gehn Löwen noch und wissen,
solang sie herrlich sind, von keiner

Ohnmacht.

Uns aber, wo wir Eines meinen, ganz,
ist schon des andern Aufwand fühlbar.

Feindschaft

ist uns das Nächste. Treten Liebende
nicht immerfort an Ränder, eins im andern,
die sich versprochen Weite, Jagd und Heimat.

Da wird für eines Augenblickes Zeichnung
ein Grund von Gegenteil bereitet, mühsam,

daß wir sie sähen; denn man ist sehr deutlich
mit uns. Wir kennen den Kontur
des Fühlens nicht: nur, was ihn formt von außen.

Wer saß nicht bang vor seines Herzens Vorhang?
Der schlug sich auf: die Szenerie war Abschied.
Leicht zu verstehen. Der bekannte Garten,
und schwankte leise: dann erst kam der Tänzer.
Nicht *der*. Genug! Und wenn er auch so leicht tut,
er ist verkleidet und er wird ein Bürger
und geht durch seine Küche in die Wohnung.

Ich will nicht diese halbgefüllten Masken,
lieber die Puppe. Die ist voll. Ich will
den Balg aushalten und den Draht und ihr
Gesicht aus Aussehn. Hier. Ich bin davor.
Wenn auch die Lampen ausgehn, wenn mir auch
gesagt wird: Nichts mehr —, wenn auch von der
Bühne
das Leere herkommt mit dem grauen Luftzug,
wenn auch von meinen stillen Vorfahrn keiner
mehr mit mir dasitzt, keine Frau, sogar
der Knabe nicht mehr mit dem braunen Schielau
Ich bleibe dennoch. Es giebt immer Zuschaun.

Мы слишком уж отчетливо рисуем тот образ,
Что скрывается в тумане и нас зовет взглядеться
внутри него.

Мы видим лишь поверхность наших чувств.
И не вникаем в глубину.

Кто не сидел со страхом пред занавесом
сердца своего?

Но вот он поднялся, и перед нами — сцена прощания. —
Так ясно все: знакомый сад, покачиванье веток
И наконец — актер. Он знает роль. Он начинает танец.
Его шаги легки, но это — не настоящий танец,
и актер — не тот! Он только притворяется танцором.
Я понял. Хватит. Это просто бургер.

Переодетый бургер. Вот сейчас он перейдет сквозь
кухню в старый дом свой.

Не то! Не так! Не надо больше масок. Уж лучше куклы.
Вот те, которых дергают за нитку.

Они не притворяются живыми. Они цельны.
Да, я хочу увидеть куклу и выдержать незрячий взгляд ее.
Я к этому готов. И даже если погаснут лампы и скажут
мне, что кончился спектакль,

Дохнет со сцены серой пустотой и мертвым
сквозняком в лицо повеет,

И даже если предки тихие мои меня покинут —
Невидимая женщина, что рядом сидела молча,
Мальчик с карим глазом, слегка косящим, —
нету никого, но я останусь.

Hab ich nicht recht? Du, der um mich so bitter
das Leben schmeckte, meines kostend, Vater,
den ersten trüben Aufguß meines Müssens,
da ich heranwuchs, immer wieder kostend
und, mit dem Nachgeschmack so fremder Zukunft
beschäftigt, prüftest mein beschlagnes

Aufschaun —,

der du, mein Vater, seit du tot bist, oft
in meiner Hoffnung, innen in mir, Angst hast,
und Gleichmut, wie ihn Tote haben, Reiche
von Gleichmut, aufgiebst für mein bißchen

Schicksal,

hab ich nicht recht? Und ihr, hab ich nicht recht,
die ihr mich liebtet für den kleinen Anfang
Liebe zu euch, von dem ich immer abkam,
weil mir der Raum in eurem Angesicht,
da ich ihn liebte, überging in Weltraum,
in dem ihr nicht mehr wart...: wenn mir zumut ist,
zu warten von der Puppenbühne, nein,
so völlig hinzuschauen, daß, um mein Schauen
am Ende aufzuwiegen, dort als Spieler
ein Engel hinmuß, der die Bälge hochreißt.
Engel und Puppe: dann ist endlich Schauspiel.
Dann kommt zusammen, was wir immerfort

Все равно останусь. Мне есть на что смотреть.

Мой долг — взглядеться.

И разве я не прав? Скажи, отец мой, ты,

выстрадавший столько за меня,

Вникавший в жизнь мою с пеленок самых

и с отроческих игр

Пытавшийся проследживать мой взгляд, все время

уходивший от тебя куда-то вдаль,—

Ведь ты и мертвый живешь внутри меня

и за меня боишься.

И успокоенность — богатство мертвых —

Растрачиваешь, чтобы быть со мной,

участвуя в судьбе моей тревожной.

Скажи мне, разве я не прав, ища на сцене еще чего-то?

Скажите вы, те, кто меня любили,

И те, кого лишь начинал любить я, лишь начинал

и уходил от вас

Вот в тот простор, который в ваших лицах лишь

начинался, но шел гораздо дальше ваших лиц?

Я уходил в пространство мировое, а вы пугались этой

широты. Вы закрывали занавес, а я,

Я оставался ждать. И до сих пор я жду перед пустою

сценой. Неужели одних марионеток я увижу?

Нет! Тот, кто смотрит так неотрывно, тот

досмотрит до конца — до Сущности самой.

И я увижу Актера подлинного. Он войдет. Вот тот,

кто куклу дергает за нитку.

entzwein, indem wir da sind. Dann entsteht
aus unsern Jahreszeiten erst der Umkreis
des ganzen Wandelns. Über uns hinüber
spielt dann der Engel. Sieh, die Sterbenden,
sollten sie nicht vermuten, wie voll Vorwand
das alles ist, was wir hier leisten. Alles
ist nicht es selbst. O Stunden in der Kindheit,
da hinter den Figuren mehr als nur
Vergangnes war und vor uns nicht die Zukunft.
Wir wuchsen freilich und wir drängten manchmal,
bald groß zu werden, denen halb zulieb,
die andres nicht mehr hatten, als das Großsein.
Und waren doch, in unserem Alleingehn,
mit Dauerndem vergnügt und standen da
im Zwischenraume zwischen Welt und Spielzeug,
an einer Stelle, die seit Anbeginn
gegründet war für einen reinen Vorgang.

Wer zeigt ein Kind, so wie es steht? Wer stellt
es ins Gestirn und giebt das Maß des Abstands
ihm in die Hand? Wer macht den Kindertod
aus grauem Brot, das hart wird, – oder läßt
ihn drin im runden Mund, so wie den Gröps
von einem schönen Apfel?.. Mörder sind

О, Ангел, Ангел! Есть лишь только Ангел и кукла,
больше нету ничего.
И наконец сейчас соединится
в одно то, что раздваивали мы.
Раздвоенности больше нет. В единый круг сейчас
сомкнулось время.
Весна и осень и зима и лето — единый круг — круг
наших превращений.
Мы составляем Целое. Сквозь нас, над нами, в нас
самых играет Ангел.
Взгляни на умирающих... Они догадываются, сколь
не полно, не истинно все здешнее. Оно и есть и нет.
О наше детство! Когда мы видели за вещью
не только вещь, за прошлым — не только прошлое,
И в будущем таилось не только то, что будет...
Конечно мы росли. Одним хотелось большими стать
скорее,
Но другие полуохотно расставались с этим
Провалом внутрь и тайной сопричастья
Всему, что есть.
И в наши одинокие часы мы оставались
где-то в промежутке
Меж миром и игрушкой, —
В том самом месте, где происходило
Событие истинное — основанье всего того,
что совершалось здесь.
Кто указал ребенку, как вставать на ножки?
Кто среди созвездий отмеривает наши дни

leicht einzusehen. Aber dies: den Tod,
den ganzen Tod, noch *vor* dem Leben so
sanft zu enthalten und nicht böse zu sein,
ist unbeschreiblich.

И на ладони детской прочерчивает точное число?
Кто лепит нашу смерть, как катышек из хлеба,
Который мы проглатывать должны?
Кто вкладывает смерть нам в рот, как семечко
внутри сочного плода?
Мне нетрудно понять убийцу, но вот это —
Всю смерть еще до жизни в нас вложить
С такою нежностью, без капли злости...
Непостижимо...

✚

INHALT

Von dem Übersetzer / 5

Aus dem »Stunden-Buch« / 16

Die Sonette an Orpheus / 20

Acht Sonette aus dem Umkreis
der »Sonette an Orpheus« / 42

Die vierte Elegie / 48

ОГЛАВЛЕНИЕ

От переводчика / 5

Из «Часослова» / 17

Сонеты к Орфею / 21

Сонеты к Орфею
(из примыкающих) / 43

Элегия № 4 / 49

ЛЕТНИЙ САД

*В поэтической серии новых переводов
вышли следующие книги:*

*

**Томас Элиот
ПРАКТИЧЕСКОЕ КОТОВЕДЕНИЕ**

*

**Марсель Пруст
ПОРТРЕТЫ ХУДОЖНИКОВ
И МУЗЫКАНТОВ**

*

**Перси Биши Шелли
СТИХОТВОРЕНИЯ**

*

**Уильям Шекспир
ВЕНЕРА И АДОНИС**

*

**Альбер Самен
ВЕРСАЛЬ**

*

ЛЕТНИЙ САД

Приглашаем посетить наши книжные магазины:

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

Салон гуманитарной литературы

Большой пр. П. С., 82

ст. метро Петроградская

тел.: (812) 232-2104

«Университетская книга»

В. О., Менделеевская линия, 5

тел.: (812) 328-9638

Книжный центр РХГИ

Фонтанка, 15, ст. метро Гостиный двор

«Нева». Невский пр., 3

В МОСКВЕ:

Магазин-салон «Летний сад»

ул. Б. Никитская, 46, ст. метро Баррикадная

тел.: (095) 290-0688

Книжная лавка при РГБ

ул. Воздвиженка, 3/5, 1-й (читательский)

подъезд, тел.: (095) 222-8358

Оптовый отдел-склад

Б. Предтеченский пер., 7

ст. метро Краснопресненская

тел.: (095) 255-0198

*Литературно-художественное
издание*

**Райнер Мария Рильке
СОНЕТЫ К ОРФЕЮ**

*Зав. редакцией — А. Зубков
Худож. ред. — В. Васильев
Корректор — С. Зубкова
Макет — В. Васильев*

Подп. в печать 14.1.2002. Уч.-изд. л. 1,89.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Гарнитура «New Baskerville». Формат
70×100/32. Тираж 1000 экз. Зак. № 1085

Издательско-торговый дом «Летний сад»
121069, Москва, ул. Б. Никитская, 46.
Изд. лицензия № ИД 03439 от 5.12.2000 г.

Книга отпечатана в ПФ «Полиграфист»
160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3.

